

— Я не виню тебя, я правда никогда тебя не винил.

Жуань Юнь, оказавшись в объятиях Шао Юя, крепко обхватил его за талию и уткнулся лицом в его грудь. Слезы хлынули потоком. Теплые капли просочились сквозь тонкую ткань одежды и обожгли кожу Шао Юя, заставив его сердце болезненно сжаться.

Когда он видел Жуань Юня таким?

Окруженный заботой родителей и его собственным попустительством, Жуань Юнь с детства привык вести себя как хотел. Даже совершив ошибку, он мог до покраснения спорить, упрямо не желая признавать свою вину.

Но теперь этот человек, рыдающий у него на груди, казался воплощением невыносимой обиды. Он напоминал потерявшегося ребенка, который наконец-то нашел дорогу домой и теперь, захлебываясь слезами, выплескивал всю боль, накопившуюся у него на душе.

Шао Юй, не привыкший к красноречию, лишь молча погладил Жуань Юня по спине.

Раньше Жуань Юня больше всего раздражала эта молчаливость Шао Юя: когда они были вместе, тот мог часами не проронить ни слова. Но в этой жизни его немногословность, его готовность не говорить, а просто подставить широкое плечо, дарили Жуань Юню ни с чем не сравнимое чувство безопасности.

— Я правда не виню тебя...

Выплакавшись, Жуань Юнь почувствовал, как тяжесть на душе немного отступила. Он по-прежнему цеплялся за одежду Шао Юя, икнул от рыданий, и его длинные, загнутые ресницы намокли от слез, на кончиках которых дрожали прозрачные капли. Этот жалкий, беззащитный вид заставлял сердце Шао Юя невольно сжиматься от жалости.

— М-м.

Шао Юй отозвался низким голосом и, осторожно смахнув слезу с уголка его глаза, мягко утешил:

— Не плачь. Врач сказал, что тебе пока нельзя переутомляться, это вредно.

После пережитого стресса Жуань Юня начало клонить в сон. Он кивнул, отстранился от Шао Юя, едва коснулся подушки и тут же провалился в глубокий сон.

На этот раз он проспал до самого вечера.

Дневной свет уже потускнел. Уходя, Шао Юй приоткрыл окно и отодвинул москитную сетку, чтобы проветрить палату: запах антисептиков, который, казалось, пропитал здесь всё, был невыносим. В больничном саду было много зелени, и вместе с порывами ветра в комнату проникал едва уловимый аромат цветов. Перед уходом он заботливо подоткнул одеяло, удостоверился, что всё в порядке, и только тогда ушел.

Жуань Юнь пребывал в полузабытьи. Сквозь сон ему показалось, будто Шао Юй бережно приподнял его, но голова была такой тяжелой, что он снова погрузился в сон.

Шао Юй смотрел на крошечного, размером с ладонь котенка, которого он только что вымыл. Нахмурившись, он невольно усомнился: неужели такое маленькое существо способно выжить? Тщательно просушив шерстку котенка, он вернул его обратно в клетку.

Солнце клонилось к закату, заливая землю золотистым светом. Листья деревьев тихо шелестела под ветром. Окно было открыто, в больнице стояла глубокая тишина, а в палате — и подавно.

Было так тихо, что Жуань Юнь слышал лишь собственное дыхание. Он глубоко вздохнул, поднял руку и потер переносицу.

Возможно, эта обстановка слишком легко обнажала самые уязвимые уголки души. Глядя на оранжево-желтые облака на горизонте, Жуань Юнь внезапно почувствовал себя так, словно весь мир его отринул. Это гнетущее чувство одиночества кружило в голове, не давая покоя.

Прошло достаточно времени, чтобы он успел смириться с фактом своего перерождения. В прошлой жизни, вплоть до самой смерти, Жуань Юнь так и не достиг ничего выдающегося. Вдруг он вспомнил детство, когда отец сажал его к себе на колени и с бесконечной нежностью и легкой досадой говорил:

— Мой маленький милый, тебя всю жизнь должны баловать.

Тогда их отношения с Шао Юем еще не были такими натянутыми. Совсем крошечный Шао Юй, держа в руках бутылочку с молоком, с самым серьезным видом пообещал:

— Я буду баловать Юнь-Юня.

От ребенка, который вел себя так по-взрослому, это звучало забавно, и тогда это вызывало лишь улыбку. Но сейчас, вспоминая те слова, Жуань Юнь не смог сдержать подступивших к горлу слез.